

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

Нынешним летом по командировке журнала «Сибирские огни» молодой омский журналист Александр Лейфер побывал на строительстве Южно-Якутского угольного комплекса, которое объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Предлагаем вниманию читателей газеты главы из очерка, написанного после этой поездки.

Понимаю, что, наверняка, у кого-либо из читателей может возникнуть ироническое недоумение: какое там жаркое дыхание в Якутии, в стране вечной мерзлоты, восьмимесячной зимы, полюса холода? Если говорить о погоде, то именно такое недоразумение читалось на лицах некоторых знакомых, слушавших мои рассказы.

Помню свой первый приезд в Якутск, в 1974 году. Стоял декабрь, и мороз не просто пробирал до костей, мороз давил, не давал опомниться. Город был покрыт шапкой тумана, и машины шли по улицам с зажженными фарами, медленно, как бы наощупь. А вечером, сидя за тройными рамами в квартире своего якутского товарища, я тоже с большим недоверием слушал его рассказ о здешнем лете, о тридцатиградусной июльской жаре, о пляжах, переполненных загорелыми купальщиками...

(Вообще разговоров о погоде здесь ведется много. И они совсем не носят пошловатого характера: лишь бы о чем-то говорить. Слишком много зависит в этом краю от погоды).

120 лет назад возвращался из кругосветного путешествия писатель Иван Гончаров. Он высадился на берегу Охотского моря в порту Аян и, пробираясь к Сибирско - Московскому тракту, проехал по Якутии через Чабду, Усть-Маю, Амгу, сделал длительную остановку в Якутске и через Оленокан и Витим добрался до Иркутска. В его знаменитой книге «Фрегат «Паллада» есть интереснейшее описание этой сухопутной части путешествия.

Приступая к нему, писатель признавался: «О Якутске собственно я знал только, да и вы, вероятно, не больше, что он главный город области этого имени, лежит под 62° северной широты, производит торг пушными товарами...» Многие изменилось с тех пор, как были написаны эти строки, но глубоко убежден, что и в наше время найдется немало людей, знающих о Якутии и, в частности, об ее столице, не больше.

Что же касается жары, то нынче в июле я испытал 30 якутских градусов, когда в десять утра уже нечем дышать, а к вечеру чуть ли не каждый раз собирается гроза, и предгрозовое тягостное состояние длится практически весь день. И вновь я ездил на машинах, водители которых среди бела дня не выключали фар — на этот раз из-за пыли. Такой пыли, как в Южной Якутии на знаменитой Амурско - Якутской автомагистрали, мне не приходилось видеть нигде.

Но не в погоде, разумеется, дело.

Жаркое дыхание огромного начинающегося дела, гигантской работы, которая преобразит целый край, — вот о чем пойдет речь в этих заметках.

ВСЕ ЭТО БУДЕТ

Мне повезло с самого начала: соседом по самолету (а потом и по коридору в гостинице «Лена») оказался человек, знающий о Южной Якутии больше многих других, — профессор Василий Иванович Бгатов, доктор геолого - минералогических наук, заместитель директора по научной работе Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья. Он летел в Якутск на XII совещание Сибирского отделения Междуведомственного литологического комитета, которое проводилось Сибирским отделением АН СССР и Якутским геологическим управлением. Собиралось совещание для рассмотрения проблемы «Формации железистых кварцитов Сибири и Дальнего Востока». В то время, как на высоте 10 тысяч метров Василий Иванович водил пальцем по карте Якутии и терпеливо объяснял мне азы геологии, в де-

(Продолжение на 4-й стр.).

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

(Продолжение.)

Начало на 3-й стр.).

сятках других самолетов летели в Якутск с разных концов страны крупнейшие специалисты по железистым кварцитам — из Москвы и Ленинграда, Киева и Кривого Рога, Улан-Удэ и Иркутска

Железистые кварциты — образования земной коры, с которыми связаны крупнейшие месторождения железных руд. Для геологии — и в теоретическом, и в практическом отношении — изучение условий формирования и закономерностей залегания кварцитовых толщ представляет большой интерес. Конечно же, совсем не случайно геологи обратились именно в Якутске. Недра Южной Якутии — это уникальная по своим богатствам и по сочетанию их природная кладовая. Уникальность ее заключается в том, что богатейшие залежи железной руды (содержание металла — более 50 процентов) находятся рядом со столь же богатейшими месторождениями дефицитного консующегося угля, без которого невозможно доменное производство. Наличие железной дороги сделает со временем неузнаваемыми эти глухие края. По сути дела этот район станет в перспективе четвертой металлургической базой страны (после Донбасса, Урала и Кузбасса). Но как много предстоит сделать прежде, чем будет сварен первый ковш якутского чугуна!

Вот только самые главные, самые крупные объекты.

Железнодорожная линия Тында — Берканит — «Малый БАМ», идущая от Транссибирской магистрали резко на север (протяженность — 397 км).

Большой Нерюнгринский угольный разрез, где уголь будет добываться дешевым открытым способом (мощность — 13 млн тонн добычи угля в год).

Обогащательная фабрика для выпуска угольного концентрата (мощность переработки самая большая в стране — 9 млн. тонн угля в год).

Нерюнгринская ГРЭС (мощность только первой очереди 630 тысяч киловатт).

Сам город Нерюнгри (100 тысяч жителей с перспективой увеличения до 150 — 200).

Кроме того, нужно построить производственную базу строительных и монтажных организаций, сельскохозяйственный комплекс, увеличить мощность уже имеющейся Чульманской ГРЭС, коренным образом реконструировать Чульманский аэропорт, провести сотни километров различных коммуникаций. Параллельно с этим геологи должны произвести расшифровку и закончить детальную разведку наиболее крупных месторождений руды, угля, строительных материалов, подземных вод. Только проделав все эти работы, можно будет вести речь о строительстве металлургического завода.

Все эти колоссальные по своему объему задачи обозначены в принятых XXV съездом партии «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» одной негромкой строкой: «Приступить и формированию Южно-Якутского территориально-производственного комплекса». Именно «приступить» — то есть начать, развернуть огромное дело, устремленное в будущее. И если формирование территориально-производственного комплекса — задача стратегическая, то освоение наиболее разведанного и наиболее доступного здесь угля, то есть создание Южно-Якутского угольного комплекса — задача тактическая, более близкая по времени ее решения.

А если о стратегии, то она такова.

(Продолжение следует).

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

(Продолжение.
Начало в № 123).

Специалисты полагают, что формирование территориально-производственных комплексов (ТПК) — процесс длительный, продолжительностью до 20 лет. Южно-Якутский ТПК займет общую площадь примерно в 400 тысяч кв. километров. Эта огромная территория включит в себя не только район молодого Нерюнгринского горсовета, но и Алданский и южную часть Олекминского районов. Это — слюда, апатиты, лес.

Слова «Нерюнгри», «Чульман» (ударение на первом слоге), «Бернанит», «Золотинна», «Нагорный» — эти географические названия, еще на них-нибудь два с половиной — три года назад известные лишь местным жителям, все чаще мелькают на страницах центральных газет. И, пожалуй, наиболее часто употребляемый глагол у журналистов, пишущих сейчас о Южной Якутии, это неброский глагол «будет». С помощью него можно представить себе и современный наменный город Нерюнгри, соперничающий с самим Якутском, и никогда тут неслыханные тепловозные гудки, и трубы ГРЭС — нового мощного энергетического сердца юга республики...

Что ж, человеку свойственно мечтать, и свойство это прекрасно. Разве не взволнует любого, хоть мало-мальски знакомого с географией Якутии, мечта, которой поделился с высокой трибуны партийного съезда первый секретарь Якутского обкома КПСС Г. И. Чиряев? Говоря о будущем республики, он сказал, что подлинно революционизирующую роль сыграло бы строительство в перспективе железной дороги в Центральную Якутию и далее — на северо-восток страны. Что значит «в Центральную Якутию»? А то, что в Якутск можно будет приехать по железной дороге, что он перестанет быть лишь столицей, административным центром, а сможет развивать свою крупную промышленность, строить больше жилья. Что стоит за словами «далее — на северо-восток страны»? То, что начнется транспортное освоение краев, нуда все и вся — от бульдозера до кусна мыла — доставляется сейчас главным образом авиацией и по зимникам — временным и небезопасным дорогам, прокладываемым в большей своей части по льду рек.

И все это будет, будет непременно.

А пока... Пока строители якутской линии БАМэ и угольного комплекса мечтают о вещах более близких и реальных — например, о первом рабочем поезде до Нагорного, о бесперебойной доставке стройматериалов в Нерюнгри. Но все же они трудятся, считая будущую ветку до Бернанита... лишь частью. началом будущей большой дороги на Север, а освоение угольных богатств — фундаментом будущих якутских домен.

БОЛЬШОЙ РАЗРЕЗ

Маркшейдер Н. П. Шмелев обладает свойством говорить о неодушевленных предметах, словно о живых. Я обратил на это внимание, когда мы ходили с ним смотреть, как идут работы по вскрытию на будущем Большом Нерюнгринском разрезе.

На табличке среди грубо разровненной бульдозерами земли большими буквами было написано слово «Борт». Николай Петрович объяснил, что бортом в горном деле называют край искусственного обрыва, в данном случае — край верхней террасы разреза. Указатель предупреждает: не подъезжай и не подходи близко, а то обвалится и полетишь вниз вместе с породой. Объяснил и добавил:

— Борт — он и есть борт: кто знает, что у него на уме. Горы шутить не любят.

Потом мы долго наблюдали, как внизу работает экскаватор. Он загружал породой подходящие один за другим самосвалы, а те отвозили ее к видневшемуся вдали огромному отвалу. Я все засекал время — только что слышал рассказ, как в четвертом разрезостроительном управлении были устроены соревнования экскаваторщиков. И выяснилось: лучшие из них — Николай Рыжов и Анатолий Синицын грузят машину за 22 секунды. Здесь получалось больше, но не так уж

(Продолжение на 4-й стр.).

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

(Продолжение.)

Смотри 3-ю стр.).

и намного — 28 секунд, 29, 32... Этот, неизвестный мне экскаваторщик тоже умел работать красиво: ковш у него не оставался без дела ни на миг. Например, высыпав его содержимое на спину самосвала, он еще в воздухе, во время обратного разворота, подавал его вниз, под себя.

— А вы знаете, — заговорил тоже любовавшийся этой картиной Шмелев, — ведь он, как живой, в смысле — экскаватор. Я иной раз подолгу смотрю и слушаю. Если хорошо легла порода после взрыва, брать легко, — работает и урчит, довольно так урчит, ровно — ну, прямо мурлыкает. А если взорвалось неудачно, — ревет, тужится — злится, одним словом.

Н. П. Шмелев — кандидат технических наук, главный маркшейдер 4 управления, строящего Большой разрез.

До этого он был эксплуатационником — работал в алмазных карьерах Якутии. Однажды задумался. При добыче часть руды пропадает — ее увозят вместе с пустой породой, и потери эти, в общем-то, неизбежны — не будешь же рыться с лопатой в кузове какого-нибудь БЕЛАЗа и отсортировать от двух десятков тонн породы несколько десятков или пусть даже сотен килограммов руды. Ну, а если алмазы и лежат именно в этих килограммах? Мысль эта, конечно, приходила в голову не только одному Шмелеву, но он первым решил с помощью науки найти пути более рационального использования полезных ископаемых при их добыче — найти, улучшив саму методику разработок. Так родилась тема диссертации.

Защищался в Алма-Ате — там же, где учился. Перед защитой диссертацию читал главный инженер головного предприятия, которое должно было дать отзыв о работе, о степени ее практической ценности. Утром главный нашел Шмелева:

— Слушай, я ведь всю ночь не спал...

— А что такое?

— Да как «что»? Вначале диссертацию твою читал, потом думал. Где, снажи, ты раньше-то был?!

Сейчас эта диссертация, родившаяся не в белоснежных лабораториях и тихих читальных залах, а в морозном грохоте алмазных карьеров Якутии, работает на народное хозяйство: методики, предложенные Шмелевым, используются на нескольких разрабатываемых месторождениях страны.

— Я же вижу, — сказал мне Николай Петрович, — вижу, вы хотите да стесняетесь меня спросить: почему, мол, ты — кандидат, перспективный и тэпэ, почему ты тут. Многие спрашивают.

И рассказал, что год после защиты жил с семьей в Алма-Ате (четырёхкомнатный кооператив). Работал в Академии наук. Скучно стало. Живой работы захотелось. Элементарно после северной жизни денег стало не хватать. А тут — Нерюнгри, Большой разрез. И приехал. И делает живое дело. («Понимаете, я здесь не в командировке, не материал собираю, а живу, работаю»).

Приехала семья из Алма-Аты. Начал писать монографию на основе своей кандидатской. И думает о докторской. Материал для нее — вот он, рядом, на Большом разрезе.

Что же такое Большой разрез, чем он привлекает к себе людей, подобных Шмелеву?

Это 12 с половиной миллионов кубометров горных масс, которые необходимо вскрыть к 1 января 1979 года. Это гигантская чаша около 5 километров длиной и трех с половиной шириной, уходящая вниз пятью гигантскими уступами — горизонтами.

После того, как пустая порода уляжется в отвалы и обнажится угольный пласт, некоторое количество угля нужно будет подрезать — сверху он обыкновенный, окислившийся. И уже потом можно звать эксплуатационников — берите, черпайте долгожданный нерюнгринский коксующийся!

(Продолжение следует).

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

(Продолжение.)

Начало в №№ 123, 124).

Разрезостроители — коллектив молодой. И совсем немного времени прошло с того торжественного момента, когда ахнул на разрезе самый первый взрыв, когда о самый первый новш с породой была разбита бутылка шампанского — момент, когда началась жизнь невиданного угольного гиганта.

Трудятся разрезостроители просто здорово. Выше я называл дату окончания вскрышных работ — 1 января 1979 года. Дата эта досрочная, она будет означать, что пятилетка выполнена управлением в четыре года. Но, оказывается, мало и этого! И этот срок намечено сократить на 4 месяца — отправить из разреза последнюю машину с породой к Дню шахтера.

В кабинете начальника управления Ивана Васильевича Титоренко уже в июле было два переходящих Красных знамени — коллектив считается одним из лучших в тресте «Якутугленстрой». Сам Иван Васильевич кузбассец. Руководил там крупным управлением. Уехал в Якутию, проиграв в зарплате. Уехал со скандалом — чуть ли не обманом — не отпустили полтора года. Даже возвращать оттуда приезжали, уговаривали.

— Нет, не поехал! И не поеду. Там все отлажено, все ясно. Неинтересно. А здесь... Здесь размах-то какой! Одно слово — большой разрез. Большой!

ЧУЛЬМАН НОВЫЙ

Первым человеком, с которым я познакомился в Чульмане, был Леонид Михайлович Рыбаковский — редактор местной газеты «Индустрия Севера». Когда я зашел в его кабинет, он вел долгий и упругий разговор по телефону. Его собеседник, сидящий на другом конце провода, требовал отдать для какого-то музея матрицу первого номера газеты, редактор же говорил, что из четырех матриц три уже выпросили и последнюю он не отдаст ни за какие коврижки, так как в скором времени при редакции будет свой собственный музей. Разговор весьма характерный — в том смысле, что нерюнгринцы любят свою газету и гордятся ею. Первый номер «Индустрии Севера» вышел 3 февраля 1976 года — вскоре после того, как Нерюнгри получил статус города и были организованы горсовет и горком партии. Люди, работающие в редакции, — народ опытный, в основном все северяне — из Якутска, Алдана, Тинси. И газету они делают деловую, зубастую: стараются не столько «отражать» и «освещать», сколько вникать в суть дела, в различные узкие места, имеющиеся в огромном и чрезвычайно разветвленном хозяйстве юга республики.

Первые месяцы газета выходила с невероятными трудностями: редакция находилась в Чульмане, а типография в Алдане. Сейчас полиграфическая база организована в Чульмане, и стало легче. Удобнее всего было бы работать в пионерном поселке Нерюнгри, но там нет помещения. После сдачи первых домов в новом городе намечено поселить там собкора: деталь, весьма характерная. — газета будет иметь собкора в городе, органом горкома и горсовета которого является.

Несколько слов об административном принципе Нерюнгри. Он весьма оригинален. После того, как Нерюнгри стал городом, стала существовать так называемая территория Нерюнгринского горсовета, занимающая южную часть Алданского района. И все поселки, разъезды и станции — Чульман, Берникит, старая и новая Золотинки, старый и новый Нагорный, Якутский — все они являются как бы частями одного города, хотя и находятся друг от друга на значительных расстояниях.

Пока самый крупный поселок в Южной Якутии — Чульман, Берникит, старая жителей назвать трудно — цифра все время меняется в сторону увеличения — где-то тысяч 13—14.

Сейчас Чульман переживает свое третье рождение. В 50-х годах вторую жизнь в него вдохнула постройка ГРЭС — энергетического центра всего Алда-

(Продолжение на 4-й стр.).

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ЯКУТИИ

Очерк

(Продолжение.
Смотри 3-ю стр.)

на. А сейчас облик старого поселка меняется в результате строительства угольного комплекса.

Одна чульманская старожилка рассказывала мне, что еще не так давно жители поселка в отпуск не ездили: аэропорта не было, не было и автобусного сообщения до Большого Невера. А ехать до этой станции 400 км на попутках отваживался не каждый. Так и сидели дома. Сейчас от такой патриархальности не осталось и следа.

Новая Нерюнгринская ГРЭС будет мощным энергетическим предприятием, способным обслуживать весь Южно - Якутский ТПК. Но пока знаменитый глагол «будет» смогут заменить на «есть», пройдет немало времени. И сейчас вся нагрузка ложится на ЧульманГРЭС.

Старая ГРЭС модернизирована. Установлен новый агрегат (один из двух запланированных). Таким образом, мощность станции увеличится. Все новые и новые линии электропередач уходят от нее к объектам комплекса. Со строителями одной из таких линий мне довелось познакомиться довольно близко.

Осталась на память фотография с надписью — «От друзей из ЛЭПа». Двое парней — Анатолий Васильев и Валерий Турушев — сфотографировались в местной фотографии. Два дня жил в их вагончике, познакомился почти со всеми их товарищами по бригаде, слушал их бесконечные рассказы о лихой «лэповской жизни», ходил с ними купаться на Чульман.

Бригада Виктора Михайловича Комарова из «Виллюгэсстроя» стояла под Чульманом и тянула линию от ЧульманГРЭС к Большому разрезу. Настроение в эти дни у ребят было неважное — не было работы. Подвели снабженцы — не доставили вовремя бревна нужной длины, необходимые для сборки угловых, анкерных опор. И из-за каких-то тринадцати опор все стояло — нельзя было делать растяжку. «Квинговое» настроение усугублялось еще отпуском поварихи — жены бригадира. Как видно, она баловала ребят всякими разносолами, ибо в поселковые «назённые» столовые они ездили с великой неохотой, ворча каждый раз.

(Продолжение следует.)

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

**ЖАРКОЕ
ДЫХАНИЕ
ЯКУТИИ**

Очерк

(Продолжение.)

Начало в № 123—125.)

Анатолию тридцать, лапонец он опытный, на Севере давно. Он — один из двух в бригаде верхолазов. Любит работать на высоте. (А представьте себе, что такое тринадцатиметровая высота якутской зимой и как чувствует себя человек, работающий в мороз на обледеневшем траверсе). Был случай в прошлом году. Анатолий был наверху. Делали растяжку, трактор тащил за собой провод, продетый в «лодочки» изоляторов. А накануне кто-то делал сращение провода и по нерадивости забыл об этом предупредить. Место сращения дошло до «лодочки», и Анатолий видел, как эта, соседняя, опора рухнула, хрустнув бревнами, будто двумя спичками. А ведь чистая случайность, что он сидел не на ней...

Сам он из Караганды. Там мать, все родственники. Трудовую жизнь начал дома: закончив соответствующее профтехучилище, стал работать радиомастером в телеателье. Денег было много — в основном «левых»: от «калыма» после работы. Но уходили они так же легко, как и приходили. Надоело — махнул сюда. И вот уже который год в ЛЭПе, стал отличным специалистом, а от ГПТУ и телеателье осталась любовь к радиотехнике: весь вагончик Васильева забит разными мудреными блоками, панелями и лампами.

Перед отъездом я пришел к бригадиру проститься. Ребята только что вернулись с линии, сильно устали. День опять был жарким, а они вручную делали досыпку опор. Вспоминали, как хорошо летом работать севернее, где полярная ночь: днем отлеживаешься где-нибудь у ручья — читаешь, загораешь, а работаешь ночью — и светло, и не жарко.

Но настроение у бригады явно поднялось. Хлысты на анкера, наконец-то, забросили, с завтрашнего дня можно их ошишривать и приступать к сборке опор. И с питанием вопрос, хотя и частично, но решился: выпросили на базе «временную» повариху («Не такая, конечно, как своя, но ничего, жить можно»).

Я уходил со стоянки, и вдруг сзади вначале громко щелкнуло, а потом над вечерней тайгой загредел голос Высоцкого: Толик «врубил» на прощание свой сверхмощный, собственноручно усовершенствованный магнитофон.

Где-то вы сейчас, ребята?..

«НЕРЮНГРИ» —

«ХАРИУСНАЯ РЕКА»

Я все пытался разузнать, что означает то или иное местное название. Мои этимологические разыскания увенчались успехом лишь в двух случаях. Узнал, что слово «Нерюнгри» — это несколько видоизмененное эвенкийское слово, переводящееся как «хариусная река», а слово «Берканит» означает примерно — «место, удобное для установки ловушек на зверя».

Места здесь действительно богатые и зверем, и птицей, и рыбой. Я сам видел медвежьи следы (до жутки похожие на человеческие). Видел любопытных, насколько не боящихся человека бурундуков. Видел красавца - оленя, вышедшего из тайги на автомагистраль — уж, видно, совсем невтерпех стало в лесу от оводов.

В сельскохозяйственном отношении эти края остаются слабоосвоенными. Местные жители — эвенки — занимаются лишь оленеводством. Все привозное, только лук и редиску можно купить у частников. Частники же выращивают для себя картофель.

Выше уже говорилось, что здесь задумано строительство сельскохозяйственного комплекса, его проект по заданию Минуглепрома разрабатывается в институте «Якутнолхозпроект».

Что войдет в комплекс?

Молокозавод на 10 тысяч тонн переработки молока в год, птицеферма на 50 тысяч кур - несушек, животноводческая ферма молочного направления на 800 коров, тепличный комбинат на 6 гектаров (тепло даровое — от двух ГРЭС).

Мы были в гостях у ученых - почвоведов из Якутского филиала Академии наук СССР, которые исследуют почву в окрестностях Нерюнгри и ищут места, пригодные для посадки кормовых трав, картофеля, дру-

(Окончание на 4-й стр.)

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

**ЖАРКОЕ
ДЫХАНИЕ
ЯКУТИИ**

Очерк

(Окончание.)

Смотри 3-ю стр.)

гих культур. Разговаривая с ними, я вспомнил о другой встрече, состоявшейся еще в декабре 1974-го, в тот, первый приезд.

Мне довелось тогда познакомиться с интереснейшим и в то же время весьма типичным для Якутии человеком. Это Леонид Артемьевич Голисаев, кандидат сельскохозяйственных наук, работник Якутского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Голисаев картофелевод. И вот, что рассказывает о своей работе.

Лет десять назад в республике товарного картофеля не было совсем. Разводили его частные лица, но никак не совхозы и колхозы. Людей сдерживали традиционность, инертность мышления, устаревшая психология представлений об Якутии — то есть факторы отнюдь не материальные.

Голисаев и его коллеги начали анализировать метеорологические данные за много лет, экспериментировать. Часть опытов проводили как раз на юге республики, в теперешней зоне БАМа. Именно те опыты показали, что на юге плодородная почва, что вегетационный период вполне достаточен (даже не нужно предварительно проращивать семенной материал), но что необходимо орошение.

Затем эксперименты стали проводить севернее — в Покровском опытно-производственном хозяйстве института, под Якутском. Постепенно начали сказываться результаты многолетней работы. Если за 10 лет с 1935 года по 1945-й в Покровском собирали лишь столько, сколько садили, то средний урожай картофеля в восьмой пятилетке составил 101 центнер с гектара. Постепенно сила инерции уступала доводам науки, и рекомендации института перекочевывали в рабочие планы агрономов, начинали реализовываться на колхозных и совхозных полях республики.

В Якутии, в республиканском краеведческом музее есть стенд, посвященный декабристам, когда-то сосланным в Якутию. И вот прочитал я под портретом Матвея Ивановича Муравьева-Апостола надпись, говорящую, что в 1828—29 годах жил он в Вилюйске (то есть гораздо северней Якутска), жил и... успешно выращивал картофель. Не знаю, возможно, прочитав эти строки, Леонид Артемьевич Голисаев, человек очень скромный, и будет недоволен. Но, честное слово, тогда, в музее, я думал о нем и о той незримой нити, которая связывает декабриста Матвея Муравьева и его, ученого-подвижника, а следовательно — тоже революционера.

Так что будет в Южной Якутии и свой картофель.

Вот и перевернута последняя страница последнего «якутского» блокнота. Осталось лишь поставить точку. Но прежде хочется сказать вот о чем.

У каждого журналиста, будь он хоть профессионал из профессионалов, бывают моменты, когда становится невыразимо грустно от того, что из-за сотни разных причин нельзя остаться вот здесь, вот в этом самом месте, в этом городе, поселке, доме. Остаться, если не насовсем, то хотя бы на год, на месяц, пусть на неделю, но не уезжать сегодня, сейчас. Тебе нравится, как здесь живут люди — твои новые знакомые, как они работают. Ты хочешь посмотреть, как тут все у них будет дальше — завтра, послезавтра, но надо ехать. И ничего тут не поделаешь.

Такое чувство приходило ко мне не раз и не два. Приходило оно и этим летом: на Большом разрезе — когда прощался с марншейдером Шмелевым, в Нагорном, когда, садясь в кабину попутни, последний раз взглянул вдоль его главной, дымящейся от пыли улицы, над Чульманом — когда ЯК, развернувшись, взял курс на Читу. Да мало ли где...

Как там у них все будет — в Нерюнгри, в Чульмане, в Бернаните, в Нагорном?..